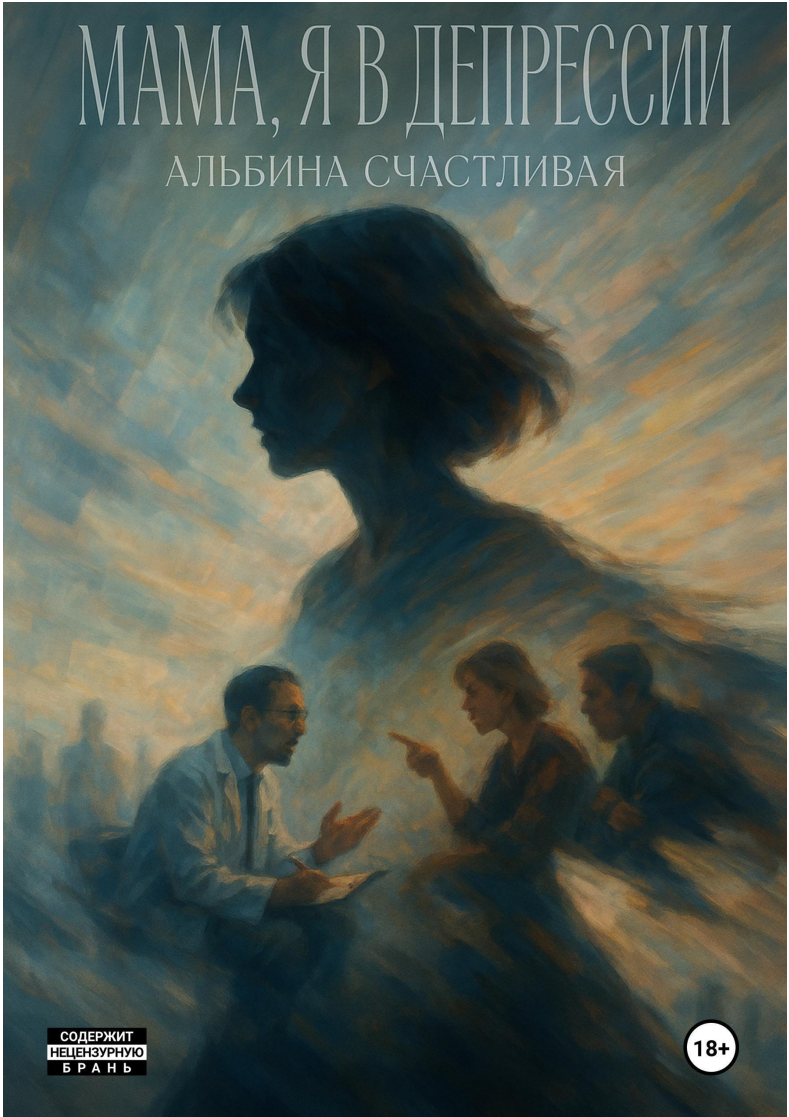
МАМА, Я В ДЕПРЕССИИ

АЛЬБИНА СЧАСТЛИВАЯ



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Альбина Счастливая

Мама, я в депрессии

https://litres.ru/72386803
SelfPub; 2025

Аннотация

Запертая в двойном аду рецидива рака и клинической депрессии, Алина сходит с ума. Химиотерапия превращает ее тело в поле боя, а психику – в лабиринт галлюцинаций и паранойи. Ее муж Марк тонет в беспомощности и злобе. Родители видят в ней лишь позор и вину. Врачи разводят руками. Отчаявшись, Алина балансирует на краю самоуничтожения. Это не история о победе. Это беспощадное погружение в распад тела и души, где единственная возможная "победа" – хрупкое перемирие с невыносимой болью среди руин собственной жизни. Сможет ли она сделать шаг назад от бездны?

Содержание

Посвящение	4
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	30
Глава шестая	36
Глава седьмая	41
Глава восьмая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Альбина Счастливая
Мама, я в депрессии

Посвящение

Тем, кто справился – чья победа выглядит не как триумфальный взлет, а как усталое перемирие с болью, купленное ценой шрамов, которых не видно под одеждой.

Тем, кто не справился – чье мужество осталось незамеченным, чья битва была проиграна не из-за слабости, а потому что ноша была неподъемной. Ваша борьба тоже была актом отчаянной храбрости.

Тем, кто борется сейчас – тем, кто зажат между приступами боли и короткими передышками, кто просыпается с мыслью «снова» и засыпает с вопросом «надолго ли?». Чей главный подвиг – просто дожить до заката. Чья сила не в победе, а в том, чтобы каждый раз находить в себе причины сделать еще один шаг, даже без веры в финиш.

И тем, кто был рядом – беспомощным, растерянным, совершавшим ошибки, горевшим от сочувствия и выгоравшим от бессилия. Чьи руки иногда не знали, как помочь, но продолжали молча подавать стакан воды. Чье молчаливое присутствие на краю пропасти другого человека было самым честным подвигом из всех возможных.

Эта книга – не о свете в конце тоннеля. Она о трещине в потолке, о пыли в луче света и о хрупком перемирии, которое иногда и есть единственно возможная победа.

Глава первая

Холод. Вечный, пронизывающий до костей, несмотря на плед, который медсестра, эта вечно улыбающаяся эльфийка из другого мира, услужливо накинула мне на колени. Не плед, а издевательство какое-то, кусок синтетической ваты, пропускающий ледяное дыхание кондиционера прямо в кости. Кондиционер гудит, как умирающий шершень, пытаясь заглушить звуки этого места. Звуки ада в миниатюре.

Пластиковое кресло неудобное, вдавливается в копчик. Я вжалась в него, стараясь стать меньше, невидимкой. Рука на подлокотнике, ладонью вверх. Жгут. Туго. Кожа натянута, синюшная прожилка выделяется под ней, как дорога на карте в никуда. Я смотрю на нее, отрешенно. Вот он, мой главный транспорт сегодня. В Караганду под названием «Второй цикл, день первый». Рецидивный, блядь, тур.

Рядом – другие пассажиры этого странного поезда. Мужик лет шестидесяти, в кепке, уснул, рот открыт, храпит тихо. Его рука судорожно сжимает подлокотник даже во сне. Бабулька напротив, с лицом, как высохшее яблоко, методично перебирает четки, губы шевелятся беззвучно. Ее взгляд пустой, устремлен куда-то в стену, сквозь нее. Молодая девчонка, лет двадцати пяти, не больше, с яркой повязкой на голове (парик? свои волосы уже отвалились?), уткнулась в телефон. Смайлики прыгают на экране. Кому она пишет?

«Привет, я в самом странном месте на земле, как дела?» Блядь.

Медсестра, та самая эльфийка с сияющими глазами, подкатывает капельницу. Иголка – холодная, острая точка на коже. Потом – жжение по вене. Знакомое. Предательское. «Ну вот и поехали, Алина Иванова», – весело бубнит она, приклеивая пластырь. Ее голос звучит как скрежет по стеклу. Хочется заорать: «Заткнись! Просто втыкай свое дерьмо и отвали!» Но сил орать нет. Только глоток воздуха, резкий, через рот. Металл. На языке, в горле. Проклятый металлический привкус. Он всегда здесь, с первой капли. Предвестник всего остального кошмара.

Первые минуты еще терпимо. Просто холод по вене, металл во рту, гул кондиционера. Потом начинается. Сначала – волна тошноты. Не просто «ой, подташнивает». Нет. Это как тебя берут за желудок огромной, грязной рукой и выворачивают наизнанку. Медленно, методично. Слюна предательски наполняет рот, горькая. Я сглатываю судорожно, глаза зажмуриваю. Не сейчас. Только не сейчас. Не при всех. Держись, тварь.

Но тело – предатель. Оно уже не мое. Оно – поле боя, залитое едким раствором. Слабость накатывает внезапно, как кирпич по голове. Веки тяжелеют, руки – ватные. Даже пальцем пошевелить – подвиг. А в голове – туман. Густой, серый, вязкий. Мысли еле ползают, как сонные мухи, цепляясь за обрывки. «Марк… дома… ждет? Или спит?» «Родите-

ли… позвонят сегодня? Наверняка. Спросят, как «процедуры»…» Слово «процедуры» в кавычках вспыхивает в мозгу ядовито-зеленым. Какие, нахуй, процедуры? Это медленное расставание с самой собой. По кусочкам.

Открываю глаза. Бабулька все так же перебирает четки. Мужик храпит. Девчонка улыбается своему телефону. Никто не смотрит на меня. Каждый в своем личном аду. Мы как лягушонки в банке, которых медленно варят. Только у нас нет сил даже пискнуть.

Время здесь течет по-другому. Минуты растягиваются в часы. Каждая капля раствора, падающая в капельницу, – удар молотка по наковальне, на которой расплющивают мою жизнь. Бам, бам, бам… Вот оно – «спасение». Вот она – «ремиссия», за которую держалась три года. Как дура. Мечтала. О ребенке. Хоть приемном. Хоть кусочке нормальной жизни. А теперь? Теперь этот рецидив, эта ебучая болезнь, выжгла последнюю надежду дотла. И оставила вот это: пластиковое кресло, жгут на руке, металл во рту и тошноту, подползающую к горлу.

Снова волна. Сильнее. Горло сжимает спазм. Я хватаюсь за пакет, предусмотрительно лежащий на соседнем кресле. Глубокий вдох. Выдох. Еще. Не сейчас. Держись. Держись, сука.

Медсестра проходит мимо, бросает беглый взгляд.

– Тошнит? – спрашивает, как будто «Как погодка?».

Киваю, не открывая глаз. Говорить нельзя. Слово – и рво-

та станет неизбежной.

– Скоро кончится капельница, – говорит она, и ее голос звучит где-то за тридевять земель. Скоро. Какое мне, блять, дело до «скоро»? Сейчас мне плохо. Сейчас я растворяюсь по кусочкам, и весь мир – этот гудящий кондиционер, эти запахи больницы (антисептик, еда из буфета, старость, затхлое амбре больного тела, сотен тел), эти чужие стоны в тишине – он равнодушен. Совершенно.

Наконец, эльфийка отсоединяет пустую бутыль. Игла выходит из вены. Кровь – темная, вялая капля. Пластырь.

– Посидите немного, прежде чем идти.

Посидеть? Сейчас? Когда весь мир качается, как лодка в шторм, а желудок вот-вот вырвется наружу?

Поднимаюсь. Ноги – не мои. Ватные, предательские. Делаю шаг. Еще. Темнеет в глазах. Хватаюсь за стену. Эльфийка бросает встревоженный взгляд.

– Вам помочь?

Качаю головой. Нет. Ни за что. Сама. Доползу.

Коридор. Длинный, бесконечный, тускло освещенный энергосберегающими лампами. Каждая ступенька – пытка. Тошнота бьет новой волной. Я прижимаю руку ко рту, бегу – вернее, ковыляю – к туалету. Еле успеваю. Рвота – желчь, вода, этот проклятый металл. Судорожно, болезненно. Слезы текут сами, от бессилия, от унижения. Упираюсь лбом в холодную плитку стены. Дышу. Воняет хлоркой и рвотой. Идеальный финал.

Выхожу. Лицо в зеркале – незнакомое. Серое. Глаза – огромные, пустые, с темными кругами. Волосы под платком – я знаю, они уже редеют. Потихоньку. Очередная потеря. Кто эта тварь? Где я?

Такси. Марк заказал. Сижу на заднем сиденье, прижавшись лбом к холодному стеклу. Улицы Москвы плывут мимо – серые, мокрые, ноябрьские. Слякоть. Люди. Куда-то спешат. Живут. Им не хуево. У них, наверное, тоже трудности. «Сейчас у всех трудности», – всплывает в памяти чей-то идиотский голос. Да ну? Вот щас прям всем так тошнит, что света белого не видно? Всем вены жгет едким раствором? Всем выворачивает кишки? Идиоты. Все идиоты.

Подъезд. Лифт. Пятый этаж. Ключ дрожит в руках. Открываю.

Квартира. Наше тихое убежище. Духота. Запах вчерашней еды и пыли. Беспорядок – кружка на столе, разбросанные вещи Марка. Темно. Шторы задернуты. Как в бункере.

– Аля? – голос из спальни. Марк. Выглядывает. Лицо бледное, глаза усталые. Он пытается улыбнуться. Получается кривая гримаса. – Как ты?

Как я? Хочется заорать. Завыть. Плюнуть ему в лицо этим вопросом. Как я, блять?! Как думаешь?!

Но сил нет. Ни на крик, ни на слезы. Только шатаюсь к дивану, падаю на него лицом в подушку. Тяжело. Все тело ноет, каждая клетка отравлена.

– Хочешь чаю? – слышу его голос где-то сверху.

Качаю головой лицом в подушку. Не хочу. Ни чаю. Ни разговоров. Ничего. Только чтобы это прекратилось. Чтобы боль – и тут, внутри, и там, в душе, эта черная, липкая, всепоглощающая усталость – отпустила хоть на минуту.

– Я рядом, солнышко, – шепчет он, кладет руку мне на спину.

Его рука теплая. А я – ледяная изнутри. Его слова – как укол. Какое, нахуй, «солнышко»? Какое?

Отползаю глубже в подушку. В темноту. В свое личное пространство, где нет места его теплу, его надеждам. Только холод. Металл во рту. И тихий, неумолимый шепот в голове: «Больше нет сил…»

Глава вторая

Кабинет. Не онкология. Здесь пахнет по-другому. Не хлоркой и страхом, а пылью, старыми книгами и… спокойствием? Нет, не спокойствием. Затишьем перед бурей. Меня передернуло. Слишком тихо. Слишком чисто. Слишком много зелени – какие-то пыльные фикусы в углах, будто декорации к спектаклю под названием «У нас тут всё хорошо».

Доктор Семенов. Не онколог. Психотерапевт. Марк настоял.

– Просто сходи, Аля. Поговори. Ты же сама видишь…

Вижу. Вижу, как он смотрит на меня – как на бомбу с тикающим механизмом, которую он боится, но обязан обезвредить. Или как на дурочку, которой просто «надо взять себя в руки». Наверное, второе.

Семенов – не старый, не молодой. Седеющие виски, умные, слишком внимательные глаза за очками. Смотрит не на мою карту, а на меня. Прямо в душу. Мерзко. Хочется спрятаться.

– Алина, расскажите, что вас привело ко мне? – голос мягкий, бархатистый. Профессионально-сочувствующий.

Что привело? Серьезно? Я сижу перед ним – в парике, который жмет, как удавка (волосы сыпятся жутко, стыдно), лицо землистое, руки дрожат от слабости и вечного внутреннего напряжения. Вес улетел в тартарары вместе с аппети-

том и надеждой. Из дома вышла – победа. Добралась сюда – подвиг. Что привело? Да ебучий рецидив, терапия, которая превращает жизнь в адскую тошнотворную помойку, родители-вампиры и муж, который сам вот-вот рухнет! И эта… пустота. Эта черная, липкая, всепоглощающая хуйня внутри, которая не дает дышать, не дает плакать, не дает хотеть чего-то, кроме как чтобы всё это наконец закончилось!

Но сказать это? Вслух? Вывернуть эту гниль наружу перед этим… незнакомцем? В его уютном, тихом кабинете с фикусами?

– Терапия… тяжело, – выдавливаю я. Голос хриплый, чужой. – И всё… как-то…

Как-то что? Не могу подобрать слова. Слова застревают в горле комом, как та рвота в больничном туалете.

– Тяжело морально, – подсказывает он.

Кивок. Да. Морально. Это то самое слово? Не знаю. Знаю, что просыпаюсь – и первая мысль: «Блядь, опять». Знаю, что смотрю на Марка, вижу его усталость, его страх – и ничего не чувствую. Пусто. Знаю, что мысль о том, чтобы встать и сварить кофе – это неподъемная гора. Знаю, что звонок матери вызывает такой приступ ярости и отчаяния, что потом трясет час. Знаю, что иногда просто лежу и смотрю в потолок, и мысль «как же это всё закончить?» звучит не как решение, а как крик о невозможности так дальше продолжать.

Я пытаюсь это объяснить. Кусочками. Обрывками. Про тошноту не только физическую, а ту, что подступает от бес-

смысленности всего. Про ярость, которая вспыхивает из ниоткуда на пустом месте. Про желание кричать, бить посуду, когда Марк просто спросит «что на ужин?». Про ночи без сна, где кошмары про больницу, про нерожденных детей, про родителей с их вечными «ты сама виновата!» смешиваются в один кровавый вихрь. Про слезы, которые не идут, застревая где-то внутри, каменным комом под ребрами. Про то, что даже физическая боль – это хоть что-то реальное, а эта… чернота… она просто съедает изнутри, оставляя шелуху.

Говорю. Голос то срывается на визг, то затихает до шепота. Руки сами собой комкают подол юбки. Смотрю в окно – там серое небо, мокрые ветки. Лучше, чем в его глаза. Он слушает. Внимательно. Иногда задает уточняющий вопрос. Не перебивает. Не говорит «взбодритесь». Пока что.

Потом – тишина. Он откидывается в кресле, складывает пальцы домиком. Смотрит на меня. Взгляд тяжелый. Диагностический.

– Алина, – говорит он медленно, взвешивая слова. – То, что вы описываете… Это выходит далеко за рамки нормальной реакции на стресс или тяжелую болезнь. Симптомы – стойкие, глубокие, затрагивающие все сферы: эмоции, мышление, физиологию, волю…

Я замираю. Чего? Куда он клонит?

– У вас, на мой профессиональный взгляд, клиническая депрессия. Тяжелый депрессивный эпизод.

Воздух вышибает из легких. Клиническая депрессия.

Слова висят в тишине кабинета, гулкие, как удары колокола. Депрессия.

– Депрессия? – повторяю я, и голос звучит плоским, тупым. – У меня серьезная болезнь, доктор. Рецидив. Терапия, от которой я готова свалиться с ног! Моя жизнь превратилась в кошмар! Конечно, мне хреново! Это не депрессия, это… реальность!

Внутри все закипает. Ярость. Обида. Несправедливость какая-то! Они там, в онкологии, колют меня сильнейшими препаратами, а этот… психотерапевт… говорит мне про какую-то депрессию? Как будто моя боль, мое отчаяние – это просто сбой в химии мозга?

Он не моргает. Выдерживает мой взгляд, полный гнева.

– Алина, реакция на болезнь – это одно. Она естественна. Но то, что вы испытываете – это болезнь. Самостоятельная. Она не отменяет ваше состояние, она… наслаивается на него. Усугубляет физические страдания. Отнимает последние силы бороться.

– У всех сейчас депрессия! – выпаливаю я, вспоминая ту дуру-«подругу» и ее идиотские смс. – Модно стало! Так что, всем теперь диагнозы ставить?

Он вздыхает. Терпеливо.

– "У всех депрессия" – это опасное заблуждение, Алина. Клиническая депрессия – это не просто плохое настроение или усталость. Это тяжелое состояние, такое же реальное, как и ваше физическое. Оно меняет биохимию мозга.

Оно лишает сил. Игнорировать его – значит подвергать себя огромному риску. Особенно сейчас.

Лишает сил. Слово падает, как камень. Особенно сейчас. В состоянии полной истощенности, когда и так нечего терять.

Он открывает ящик стола. Достает рецептурный блокнот. Ручка скрипит по бумаге.

– Я выпишу вам препарат «Веритан». Это не волшебная таблетка. Но он поможет… выровнять эмоциональный фон. Сделать нагрузку… менее невыносимой. Даст немного ресурса.

Он протягивает мне рецепт. Маленький листок. Спасение? Или еще одно испытание?

– Начните с минимальной дозы. Возможны побочки – тошнота, головокружение первые дни. Обязательно придите через неделю. И… – он делает паузу, смотрит на меня очень серьезно. – Я настоятельно рекомендую продолжить психотерапию. Одних таблеток недостаточно. Нужно искать опоры, чтобы жить с этим… всем.

Искать опоры. С болезнью. С терапией. С выжженной пустыней внутри. С родителями. С мужем, который сам еле держится. Неужели это возможно?

Я беру рецепт. Бумага холодная. Название препарата – набор бессмысленных слогов. Я сунула его в сумку, даже не глядя.

– Спасибо, – автоматически цепляюсь за вежливость, как

за спасательный круг.

– Берегите себя, Алина, – говорит он на прощание.

Я выхожу на улицу. Поздний ноябрьский ветер бьет в лицо ледяными иглами. Рецепт жжет карман сумки. Клиническая депрессия. Диагноз. Официальный. Теперь у меня их два.

Один – это тело.

Другой – это душа.

И оба требуют борьбы.

Я стою на холодном ветру, и во рту – знакомый металлический привкус. От терапии? Или от нового лекарства, которое я еще не приняла? Или просто от жизни, которая оказалась такой едкой, такой трудной?

– Всего лишь депрессия, – шепчу я ветру, и он уносит слова в серое, равнодушное небо. Всего лишь. Как будто этого мало. Как будто всего этого – не уже достаточно, чтобы сломаться. Или чтобы найти в себе силы сделать еще один шаг.

Глава третья

Тишина. Она густая, тяжелая, как влажное полотенце, обмотанное вокруг головы. Давит на уши, на виски. Я лежу на диване, укрывшись тем самым синтетическим пледом как в больнице. Он не греет. Ничто не греет. Капельница кончилась часов пять назад, а металлический привкус все еще живет во рту, смешавшись с тошнотой, которая теперь – фон, как гудение холодильника. Не острая волна, а тупая, назойливая присутственность. Как сосед за стеной, который вечно что-то сверлит.

Ключ поворачивается в замке. Марк. Он пришел с работы. Вернее, вышел из своей комнаты-каморки, где сидит за компьютером, пытаясь впихнуть строки кода в свое расползающееся по швам сознание. Я слышу, как он скидывает рубашку, шаркает тапками по коридору. Останавливается в дверном проеме гостиной. Молчит. Я чувствую его взгляд на себе. Как рентген. Как прикосновение.

– Привет, – его голос хрипловатый от молчания. Говорит тихо, будто боится разбудить или… спугнуть. Спугнуть что? Мою хрупкую оболочку, под которой – кипящая смола?

Не поворачиваюсь. Смотрю в спинку дивана. Обои там – дурацкие, с какими-то вертикальными полосками. Выбрала сама, года три назад. Казалось – стильно. Сейчас они напоминают мне прутья решетки. Или дорожку в никуда.

– Как… как прошло? – он делает шаг в комнату. Осторожно. Как сапер на минном поле. – У Семенова?

У Семенова. Рецепт в сумке. Лежит там, как неразорвавшийся снаряд. Клиническая депрессия. Слова жгут изнутри. Сказать ему? Вывалить этот диагноз, как ведро ледяной воды? Посмотреть, как его лицо исказится еще большей беспомощностью? Нет. Не хочу. Не могу.

– Нормально, – бросаю в спинку дивана. Голос – сиплый, безжизненный. – Выписал таблетки. «Веритан». От… чтобы было легче.

Молчание. Он переваривает. «Чтобы было легче» – звучит расплывчато. Чувствую, как он подходит ближе. Садится на краешек дивана, у моих ног. Пружины скрипят под его весом. Легкое покачивание. Меня чуть не выворачивает.

– Ну… это хорошо, да? – он кладет руку мне на лодыжку, поверх пледа.

Его пальцы теплые. Горячие даже. Моя кожа под ними – ледяная, мурашками. Контраст болезненный. Хочется дернуться, убрать ногу. Но сил нет.

– Может, поможет. Говорят, иногда помогает… – мой голос звучит чужим, плоским.

Он сжимает мою лодыжку чуть сильнее.

– Ты справишься, – говорит он, и в его голосе попытка уверенности, которая оборачивается дрожью. – Мы справимся.

«Справимся».

Это слово. Оно вонзается, как нож. Тупой, ржавый нож. Оно – как плевок в лицо. Оно – как приговор. Справимся. Как будто это просто задача, которую нужно решить! Как будто я просто ленюсь! Как будто я не борюсь изо всех своих оставшихся, жалких сил! Как будто это вопрос силы воли, а не сломанного мозга и отравленного тела!

Ярость. Она вспыхивает мгновенно, как бензин, плеснутый на тлеющие угли. Белая, горячая, слепящая. Откуда-то из глубины той самой черной дыры. Я срываюсь.

– СПРАВИМСЯ?! – мой крик рвет тишину, как ткань. Я выдергиваю ногу из его руки, резко сажусь. Голова кружится, мир плывет, но ярость держит. – СПРАВИМСЯ?! ДА КАК, БЛЯДЬ?! СКАЖИ МНЕ КАК?! С ЧЕМ СПРАВИТЬСЯ, А?! С ТВОЕЙ ВЕРОЙ В ТО, ЧТО ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО?! С ТЕРАПИЕЙ, КОТОРАЯ МЕНЯ УБИВАЕТ?! С МАТЕРЬЮ, КОТОРАЯ ЖДЕТ, КОГДА Я ОКОНЧАТЕЛЬНО РУХНУ, ЧТОБ СКАЗАТЬ "Я ЖЕ ГОВОРИЛА"?! С ЭТОЙ ЕБУЧЕЙ ПУСТОТОЙ, КОТОРАЯ НЕ ДАЕТ ДАЖЕ ПРОСТО… ПРОСТО ЗАХОТЕТЬ ЧАЮ?! КАК?!

Я задыхаюсь. Грудь ходит ходуном. Глаза горят, но слез нет. Только сухая, жгучая ярость. Ко всему. К нему. К его глупой, беспомощной вере. К его теплой руке, которая не может согреть лед внутри. К его молодости, которая теперь кажется издевкой – он еще может хотеть, мечтать, а я – нет. Я – пустошь.

Марк отпрянул, как от удара. Его лицо побелело. Глаза широко раскрыты – шок, боль, страх. Он поднял руки, как бы защищаясь.

– Аля… я… я не это… я просто… – Он задыхается. Не может собрать слова. Видно, как дрожит его нижняя губа. – Я не знаю, как помочь… – выдыхает он, и в его голосе – отчаяние, зеркальное моему, но без ярости. Только беспомощность. – Я хочу помочь… но не знаю как…

Его слова падают в ярость, как капли дождя в костер. Шипят, испаряются. Не тушат. Не доходят. Помочь? Как? Никто не может. Никто.

Ярость так же внезапно уходит, как пришла. Оставляя после себя ледяную, тошнотворную пустоту. И стыд. Жгучий, гадкий стыд. За свой крик. За свой срыв. За то, что ударила по нему, когда он и так на грани. Он же здесь. Он не сбежал. Пока.

Я опускаю голову. Смотрю на свои руки, сжатые в кулаки на коленях. Суставы белые.

– Прости… – шепчу. Голос снова безжизненный. – Я… не хотела…

Он не отвечает. Сидит, сгорбившись, смотря в пол. Плечи напряжены. Тишина возвращается, но теперь она другая. Раненая. Напряженная, как струна перед разрывом. Он не пытается больше прикоснуться. Не говорит. Просто сидит. Дышит. Мы оба дышим в этой духоте, в этом беспорядке, в этом адском молчании.

Он встает. Без слов. Идет на кухню. Слышу, как открывает холодильник, гремит кастрюлей. Он будет разогревать вчерашний суп. Потому что надо есть. Потому что ритуал. Потому что больше нечего делать.

Я снова падаю на подушку. Лицом в ткань. Вдох. Тот же запах пыли, моей немытой головы под париком, отчаяния. Металл во рту. Тошнота. И эта пустота. Глубокая, как колодец. И его слова: «Я не знаю, как помочь…»

Он не знает. Я не знаю. Никто не знает. Мы двое в этой квартире-склепе, разделенные невидимой, но толстой стеной из боли, страха и абсолютного непонимания. Он по одну сторону – с его беспомощным желанием спасти. Я по другую – с моей невыносимой болью, которую нельзя спасти, можно только… нести.

С кухни доносится звук ложки о тарелку. Монотонный. Бессмысленный. Как стук сердца в этой мертвой тишине. Стук, который почему-то все еще продолжается.

Глава четвертая

Тишина после взрыва. После моего вопля, после Маркова "я не знаю". Она была густой, липкой, как смола. Мы просуществовали в ней до утра. Он – за своим компьютером, я – в своей раковине на диване. Утро не принесло света. Только серый, промозглый рассвет за грязными стеклами и тошноту, которая теперь была моей неотъемлемой частью, как дыхание. Тяжелое, с металлическим привкусом.

Я доползла до ванной. Посмотрела в зеркало. Серая, с ввалившимися глазами, в жалком парике, который съехал набок. Я поправила его, движение – медленное, как в тягучей патоке. Силы хватало только на это. Мысли о таблетке из вчерашнего рецепта мелькнули и утонули. Страшно. Что, если они сделают этот туман еще гуще? Нет. Пока нет.

Марк молча поставил передо мной чашку чая. Черного. Крепкого. Без сахара. Я когда-то так любила. Сейчас вид пара, поднимающегося над чашкой, вызвал новый спазм под ложечкой. Я отодвинула ее. Он не стал настаивать. Просто сел напротив, уставился в свой ноутбук, но я видела – он не работает. Его взгляд остекленелший, пальцы бесцельно шевелятся над клавиатурой. Его стена стала выше, толще. После моего срыва. После его признания в беспомощности.

И тут – звонок в дверь. Резкий, настойчивый. Как удар хлыста по нервам.

Мы встрепенулись оба. Марк взглянул на меня – вопрос в глазах. Я пожала плечами. Кто? Никто не предупреждал. Никто не звонил. Курьера не ждем.

Он пошел открывать. Я услышала его приглушенное, вежливое:

– Лариса Петровна… Здравствуйте.

И тут же – ее голос. Звонкий, пронзительный, как стеклорез по душе. Знакомый до боли. До тошноты. Которая тут же усилилась.

– Маркуша! Ну наконец-то! Я уж думала, вы тут все в коме, раз телефоны не берете!

Она ворвалась в прихожую, как ураган в юбке. Я сидела за столом, вцепившись пальцами в край столешницы, пытаясь не свалиться со стула. Она появилась в дверях кухни. Мама.

Всегда ухоженная. Всегда подтянутая. Сегодня – в элегантном пальто, аккуратная стрижка, легкий макияж. На фоне нашей убитой кухни, моего помятого халата и Марка в поношенном свитере – она выглядела инопланетянкой.

– Алинка! – ее взгляд скользнул по мне, быстрый, оценивающий. Я увидела в нем – осуждение? Или просто… констатацию факта: «Ну и облик у тебя, доченька». – Ну как ты? Лежишь, наверное, целыми днями?

Она не ждала ответа. Сбрасывала пальто, сунула его Марку.

– Коля машину ставит, сейчас подойдет. А я не выдержа-

ла, приехала проведать. Сердце чуяло, что тут у вас бардак полный!

Она окинула взглядом кухню – немытую посуду, пыль на подоконнике, мою нетронутую чашку. Ее лицо скривилось.

– Марк, милый, ну как же так? Больная женщина! Надо порядок наводить! Воздух проветривать!

Марк, держа ее пальто, промямлил что-то невнятное. Его лицо застыло в маске вежливого ступора.

Мама подошла ко мне ближе. Селёдочный дух её духов ударил в нос.

– Ну-ка, посмотрю на тебя, – она взяла меня за подбородок, грубо, как куклу, повернула лицо к свету. Её пальцы были холодные. – Боже мой, кожа – землистая! Глаза – как у больной! И что это на голове? – она ткнула пальцем в мой парик. – Синтетика! Я ж говорила – носи платок! Скромнее и практичнее!

Я отдернула голову. Сжала зубы. Молчи. Просто молчи.

Но она уже разогналась. Уселась на стул напротив, сложила руки на коленях. Поза праведного судии.

– Ну, рассказывай. Как терапия? Страшно смотреть, как они людей лечат! – Ее голос звенел фальшивым сочувствием, за которым тут же вылезло привычное: – Я же тебе говорила, Алина! Говорила!

– Что говорила, мама? – выдохнула я. Голос – хриплый, еле слышный.

– Что говорила?! – она всплеснула руками. – Что здоровье

– не железное! Что надо беречься! А ты? Развод! Скандалы! Потом – этот… – она бросила быстрый, ядовитый взгляд на Марка, – …этот мальчишка! Муж моложе – это же сплошные нервы! Истерики! А дети? Где дети-то, Алина? Вот они – опора были бы! А у тебя – что? Пустота!

Каждое слово – удар. Точно в цель. Развод. Мальчишка. Дети. Пустота. Она методично тыкала пальцем в самые больные раны.

– Мама… – попытался вставить Марк, его голос дрожал. – Алине и так тяжело…

– Тяжело?! – она резко повернулась к нему. – Марк, дорогой, я понимаю, ты молодой, тебе сложно! Но кто, как не мать, скажет правду? Она сама довела себя до этой жизни! До этой… болезни!

Она произнесла слово «болезнь» с таким презрением, будто это было что-то постыдное.

Тошнота подкатила к горлу волной. Горькая слюна. Голова закружилась. Я вцепилась в стол еще сильнее.

– А теперь лежишь, бедная… И мы, старики, волнуемся! Сердце у меня колотится, у Коли давление скачет! Ты же нас, родителей, в могилу сведёшь своими проблемами!

Голос её стал пронзительно-жалобным. Вечная жертва. Из-за меня.

В дверях появился отец. Николай Иванович. Стоял, как тень. Сумка с какими-то банками в руке. Его лицо – каменное. Глаза смотрели мимо меня.

– Ну вот и Коля пришел! – заверещала мать. – Скажи ей, Коля! Скажи дочери, как мы из-за неё страдаем! Как волнуемся!

Отец кашлянул.

– Ну… мать волнуется… – пробормотал он. – Надо… терпеть…

Терпеть. Еще одно магическое слово. Как будто у меня есть выбор.

Я не выдержала. Тихий, срывающийся шепот:

– Вы… зачем пришли? Чтобы… напомнить, что я… сама виновата? Чтобы… сказать, что я вас в могилу сведу?

Мать замерла. Ее глаза округлились.

– Алина! Да как ты можешь?! Мы же из заботы! Мы же переживаем! Хотим помочь!

– Помочь? – я с трудом подняла на нее глаза. Мир плыл. – Ваша помощь… ваша забота… она всегда… как яд…

Отец отвернулся. Мать вскочила. Лицо ее покраснело.

– Вот благодарность! Коля, ты слышишь? Мы – яд! Мы, которые всю жизнь…

Она задохнулась от гнева.

– Хорошо! Хорошо! Не нужны мы тут! Марк, подавай мое пальто! Видно, наша дочь слишком гордая для родительской поддержки! Сама наворотила делов, теперь и расхлебывай!

Она швырнула эти слова, как камни. Марк, бледный, подал ей пальто. Она натянула его с яростью. Отец молча по-

следовал за ней к выходу.

– Выздоравливай, – бросила она уже из прихожей. Слово прозвучало как проклятие.

Дверь захлопнулась. Гулко. Окончательно.

Тишина. Но теперь – другая. Насыщенная ядом. Отравленная. Я сидела, не двигаясь. Чувство вины. Глубокое, въевшееся в кости. Как будто они были правы. Марк стоял в дверях кухни. Смотрел на меня. В его глазах была боль. Растерянность.

– Аля… – начал он.

Я покачала головой. Не могла говорить. Комок в горле. Я попыталась встать. Ноги не держали. Мир резко накренился, потемнел. Я услышала испуганный вскрик Марка, почувствовала его руки, ловящие меня.

Он подхватил меня, понес на диван. Я не сопротивлялась.

– Вызови врача… – прошептала я, когда он уложил меня. Голос еле слышный. – Давление…

Побочка. Терапия. Стресс. Визит. Все смешалось. В висках стучало. Но хуже всего было это чувство. Это гнетущее, всепоглощающее: «Я довела их. Я – ядовитая. Мама права».

Марк суетился, звонил кому-то. Его голос дрожал. Я лежала, уставившись в потолок, чувствуя, как яд, влитый родной матерью, разливается по венам, смешиваясь с терапией и черной пустотой. И этот яд был самым горьким. Самым убийственным. Потому что в него, в эту ложь о моей виновности во всем, я верила. Глубоко.

Она приехала «проведать». И добила. Как всегда.

Глава пятая

Тишина после родительского нашествия была гулкой, как в склепе. Врач приезжал – участковый, вечно невыспавшийся. Помял, послушал, померил давление.

– Стресс, конечно. Побочка терапии. Отлежитесь. Успокоительное примите, если есть.

Марк судорожно кивал. Я лежала, притворившись спящей, глотая комок вины и яда, что мать влила в меня. Вина была липкой, как пролитое варенье. Яд – горьким, как желчь.

Давление отпустило к вечеру, оставив после себя чугунную тяжесть в висках и слабость во всех конечностях. Ту самую, когда кажется, что кости растворились, а тело – мешок с мокрым песком. Марк, бледный и молчаливый, принес тарелку бульона. Я сделала два глотка. Металлический привкус терапии смешался с куриным – получилось нечто тошнотворно-железное. Отодвинула. Он не стал настаивать. Унес тарелку, спрятался в своей комнате за монитором. Бегство. Я не винила.

Ночь провалилась в черную бездну бессонницы. Не кошмары. Пустота. Абсолютная. Как будто мозг отключили. Я лежала, уставившись в темноту, слушая, как Марк ворочается в соседней комнате, его прерывистое дыхание. Не спал и он. Двое в аду, разделенные стеной. Мысль о таблетке из рецепта Семенова снова мелькнула и утонула. Страх. Что,

если она не заглушит боль, а выключит меня совсем? Сделает растением? Рисковать было страшнее, чем терпеть знакомый ад.

Утро приползло серое, слякотное. Я доползла до ванной. Посмотрела в зеркало. Все та же. Парик съехал. Поправила. Движение – медленное, как под водой. В голове – туман. Тот самый, густой и ватный, от которого мысли вязнут, как мухи в патоке. Тошнота – фоновая, ноющая.

Вышла. Марк уже сидел на кухне, уставившись в ноутбук. На столе – чашка чая. Моя. Черная. Крепкая. Парок поднимался тонкой струйкой. Он не смотрел на меня. Его спина была напряжена, как тетива. Стена выросла еще выше.

Мне захотелось чаю. Не то чтобы сильно. Скорее, это был призрак желания. Ритуал. Попытка уцепиться за что-то нормальное из прошлой жизни. Подойти к плите. Включить чайник. Насыпать заварку в чашку. Простые действия. Но каждое требовало нечеловеческих усилий. Казалось горой.

Я подошла к столу. Взяла свою чашку с холодным чаем, чтобы вылить в раковину и налить свежего. Рука дрожала. Слабость. Туман в голове. Чайник зашипел на плите, готовый выключиться.

И тут – ноготь. Безымянный левой руки. Длинный, ухоженный когда-то. Я всегда их отращивала. Гордость. Последний бастион женственности. Он зацепился за ручку чашки. Резкий щелчок. Больно. Я взглянула.

Ноготь сломался. Почти под корень. Неровно, некрасиво.

Клочок когда-то безупречного маникюра торчал под углом, обнажая розовое ногтевое ложе. Крошечная трагедия. Пустяк.

Но что-то щелкнуло. Не в ногте. В голове.

Тихий, звенящий звук. Как лопнувшая струна. Или треснувшее стекло. Всё.

Туман в голове мгновенно рассеялся. Не прояснилось – сгорело. Заменилось белым, ослепляющим, оглушающим гневом. Чистым. Первобытным. Животным. Он нахлынул волной, смывая все – слабость, тошноту, туман, вину. Заполнил каждую клетку, каждую вену раскаленной лавой.

Чашка. Она была в моей руке. Холодная, фарфоровая. Маркина любимая, с глупым смешным котиком. Я даже не подумала. Просто сжала пальцы. Со всей силы. Со всей ярости, что вырвалась на свободу.

ХРУСЬ.

Фарфор разлетелся на осколки. Громко. Резко. Как выстрел в тишине. Горячий чай брызнул на руку, на халат. Не больно. Неважно.

Марк вскочил как ужаленный. Ноутбук едва не слетел со стола. Его глаза – огромные, испуганные.

– Аля?! Что ты…

Я не слышала. Ярость ревела в ушах, как ураган. Она требовала выхода. Больше. Громче. Уничтожить. Стол. Плиту. Эту квартиру. Весь этот мир!

– ЧАЯ?! – мой крик сорвался не с горла, а из самой глубины кипящего чрева. Хриплый, дикий, нечеловеческий. – ТЫ ДАЕШЬ МНЕ ЧАЯ?! КОГДА У МЕНЯ… КОГДА ВСЁ… АААААА!

Я не знала, что кричу. Слова рвались наружу рваными клочьями, перемешанные с матом, слюной. Я схватила со стола первую попавшуюся вещь – банку с сахаром. Швырнула ее в стену. Пластик треснул, белые кристаллы рассыпались по полу, как снег на помойке.

– ВСЁ СЛОМАЛОСЬ! ВСЁ! БОЛЕЗНЬ! ПУСТОТА! РОДИТЕЛИ! И ЭТОТ… ЭТОТ НОГОТЬ! – я трясла перед его лицом рукой со сломанным ногтем. – ВИДИШЬ?! ВИДИШЬ, КАК ОНО ВСЁ?! КАК ОНО?! А ТЫ – ЧАЙ! ДЕРЖИСЬ! НА, ВОЗЬМИ СВОЙ ЧАЙ!

Я рванулась к плите, к шипящему чайнику. Хотела швырнуть и его. Стоп. Кипяток. Марк. Мелькнула доля секунды – но ярость была сильнее. Я просто выдернула вилку, швырнула ее на пол. Чайник захлебнулся, замолчал.

Марк стоял, прижавшись спиной к холодильнику. Бледный. Глаза – как у загнанного зверя. В них был ужас. Настоящий, первобытный ужас. Перед мной. Перед этой бешеной, кричащей фурией, в которую превратилась его жена. Он не пытался приблизиться. Не пытался успокоить. Он просто стоял. И смотрел. И этот взгляд… в нем не было осуждения. Было что-то худшее: отчуждение. Как будто он смотрел на чужого. На монстра.

Этот взгляд – как ушат ледяной воды. Ярость схлынула так же внезапно, как накатила. Оставив после себя… пустоту. Холодную. Липкую. И всепоглощающий, жгучий стыд. Стыд до тошноты. До желания провалиться сквозь землю.

Я огляделась. Осколки чашки. Рассыпанный сахар. Выдернутый чайник. Марк у холодильника. Его испуганные глаза. И я. Дышащая, как загнанная лошадь, с трясущимися руками, со сломанным ногтем, в халате, забрызганном чаем. Жалкая. Омерзительная. Неуправляемая.

Тошнота подкатила с новой силой. Не от терапии. От себя. От того, что я натворила. От этого взгляда Марка.

– Прости… – прошептала я. Голос был чужим, сдавленным. Слезы, наконец, выступили. Горячие, постыдные. – Я… не хотела…

Он не ответил. Не двинулся. Просто стоял и смотрел. Его молчание было громче любого крика.

Я повернулась и поплелась обратно в комнату. Ноги еле двигались. Стыд и пустота давили тяжелее чугунных гирь. Каждый шаг – пытка. Я дошла до дивана, рухнула на него лицом в подушку. Зарылась глубже.

Из кухни донесся звук. Тихий. Осторожный. Марк начал подметать осколки. Щетка скребла по полу. Раз. Два. Раз. Два. Монотонно. Бесконечно.

Я лежала, придавленная стыдом, и шептала в подушку, в такт скрежету щетки:

«Во что я превратилась… Во что я превратилась…»

Это не было шантажом. Это был холодный, горький, единственно возможный вывод. Я – монстр. Ярость – еще один побочный эффект. Эффект №1. И он страшнее тошноты. Страшнее выпадения волос. Потому что он убивает не меня. Он убивает последнее, что у меня было. Его любовь. Его веру. Его.

Глава шестая

Стыд горел под кожей, как кислота. Он заполнил все, вытеснив даже тошноту. Я лежала на диване, уткнувшись лицом в подушку, и слушала, как Марк убирает последствия моего срыва. Звук щетки по полу, скрежет осколков в совке – каждый шум был ударом по совести. Монстр. Неуправляемая. Тварь. Слова крутились в голове, сливаясь в одну катящуюся глыбу самоуничтожения. «Во что я превратилась» – уже не шепот, а мантра. Единственное, что оставалось.

Он затих на кухне. Не пришел. Не спросил, не попытался утешить. Его молчание было громче крика. Стену между нами теперь можно было пощупать. Бетонная, в рост, с колючей проволокой сверху.

Тошнота вернулась. Фоновая, навязчивая. Металл во рту. Побочка терапии, не отпускающая ни на секунду. Я ворочалась, пытаясь найти положение, где меньше давит под ребра, где меньше колотится сердце от остатков адреналина и стыда. Повернулась на спину. Потолок плыл в серых разводах.

И тут – зуд. На голове. Под париком. Несильный сначала. Покалывание, как от мурашек. Потом сильнее. Настойчивее. Как будто сотни мелких насекомых зашевелились под синтетикой. Я потерла ладонью, сквозь ткань парика. Не помогло. Зуд усиливался, становился невыносимым, гнал с дивана.

С трудом поднялась. Голова закружилась. Доплелась до

ванной. Включила свет. Резкий, безжалостный. Зажмурилась. Потом медленно открыла.

Зеркало. Оно всегда ждало. Мой личный обвинитель.

Я смотрела на отражение. На женщину в помятом халате, с неестественно гладким, чуть перекошенным париком, с лицом цвета грязного снега. Глаза – огромные, запавшие, с лиловыми тенями под ними. Глаза больной. Рот – тонкая, бескровная щель. И этот парик… он сидел криво после вчерашнего, жал, натирал. И чесался. Ужасно чесался.

Руки сами потянулись к заколкам. Пальцы дрожали, плохо слушались. Сняла одну. Другую. Парик съехал назад, открывая лоб. Я сняла его совсем.

И замерла.

Волосы. То, что от них осталось. Редкие, жидкие прядки, торчащие клочьями на розовой коже черепа. Как последние травинки на выжженном поле. Я знала, что они выпадают. Видела их на подушке, в сливе душа, на воротнике халата. Но видеть это… Свою голову, такую… обнаженную. Чужую. Больную.

Зуд не прошел. Он горел под кожей. Я подняла руку, провела ладонью по голове. Кожа – нежная, странно гладкая, горячая. И волосы… они остались у меня в ладони. Целый жалкий пучок. Без усилия. Просто провела рукой.

Что-то внутри оборвалось. Окончательно.

Я не плакала. Не кричала. Просто смотрела в зеркало. На это отражение. На лысую, серую, с ввалившимися глаза-

ми. На руку, сжимающую клок собственных волос. На улику преступления против самой себя. Против прежней жизни.

Кто это?

Вопрос возник сам собой. Трезво. Без истерики. Просто констатация факта. Это не Алина. Алина была… другая. У нее были длинные, темные волосы, которые она ненавидела за непослушность, но все равно любила мыть, сушить, иногда заплетать. У нее был огонь в глазах. Сарказм. Злость. Страсть. Даже когда было плохо – она чувствовала. Она была… живая.

А эта? Эта женщина в зеркале? Она ничего не чувствовала. Только боль. Только тошноту. Только стыд и пустоту. Она лысая. Больная. Она орет на мужа из-за чашки. Она довела родителей. Она – обуза.

Кто эта женщина?

Я приблизила лицо к зеркалу. Вдохнула пар, осевший на холодном стекле. Глаза отражения смотрели на меня с немым вопросом. Бездонные. Пустые. В них не было ни капли прежней меня. Только отчаяние. И… странное любопытство? Любопытство к тому, что будет дальше.

Я поднесла руку с волосами к лицу. Потерла их о щеку. Шершавые. Мертвые. Пахли… ничем. Как пыль. Я бросила их в раковину. Белые кафельные стенки, черное отверстие стока. Жалкие темные ниточки на белом. Прощание.

Потом я посмотрела снова на свое лицо. На эту маску чужого страдания. И медленно, очень медленно, провела паль-

цем по щеке. Холодной. По губам – сухим, потрескавшимся. По впадине под глазом. Кожа была тонкой, как бумага. Чужая. Не моя.

Это не я.

Мысль была кристально ясной. Не отрицание. Констатация. Я была где-то там, внутри. Запертая. Подавленная этой болью, этой болезнью. Или меня уже не было? Осталась только оболочка? Пустая, дырявая, медленно угасающая под грузом терапии и тоски.

Зуд на голове прошел. Осталось только ощущение… обнаженности. Уязвимости до мурашек. Я наклонилась, подняла парик с края раковины. Синтетика была холодной, неприятной на ощупь. Маска. Фальшивка. Но без нее было еще страшнее. Еще непригляднее. Еще… нечеловечнее.

Я надела его обратно. Поправила перед зеркалом. Закрепила заколками. Теперь снова – иллюзия. Иллюзия женщины. Иллюзия нормальности. Но отражение не обманешь. Глаза под нарисованными бровями все так же смотрели пусто. Все так же спрашивали: Кто эта женщина?

Я выключила свет. В темноте стало легче. Отражения не было видно. Была только тьма. И я. Или то, что от меня осталось. Сидящее на краю ванны, дрожащее, сжимающее колени руками, с синтетическими волосами на голове и вопросом, на который не было ответа.

Из кухни доносился тихий стук клавиатуры. Марк работал. Или делал вид. Он был там. За стеной. В другом мире.

Где были люди. А я была здесь. С этим вопросом. В темноте.

Глава седьмая

Отражение в зеркале не исчезло. Оно просто слилось с тенью, когда я вышла из ванной. Теперь оно было внутри, под синтетикой парика, под тонким слоем моей кожи. Пустое, тяжелое, чужое. Я снова упала на диван, укрывшись пледом. Звонок родителей, мой срыв, осколки чашки, лысая голова в зеркале – все это слилось в один сплошной шрам на сознании. Апатия. Тяжелая, как свинцовая плита. Двигаться не хотелось. Думать – тоже. Только лежать и чувствовать, как тошнота ползет по пищеводу, а металлический привкус въедается в язык.

Марк осторожно просунул голову в дверь.

– Чай? – спросил он шепотом.

Я не ответила. Не то чтобы назло. Просто не было сил даже на кивок. Он исчез. Его шаги по коридору – тихие, крадущиеся. Боялся спровоцировать новую вспышку.

Тишину разорвал виброзвонок телефона. Резкий, назойливый. Он лежал где-то под подушкой. Я замерла. Кто? Мать? Снова? Доктор Соколова? Чтобы сообщить, что анализы еще хуже? Страх сковал. Не хотелось никого. Ни звуков. Ни вопросов. Ни взглядов.

Но телефон не умолкал. Настойчиво. Уперто. С трудом протянула руку. Нащупала холодный пластик. Вытащила. Экран слепил в полутьме.

Лена.

Имя мелькнуло, как удар током. Лена. Подруга. Ну, та, что считалась подругой до… всего этого. Лет пять назад мы были не разлей вода. Потом я – развод, Марк, болезнь, ремиссия, снова болезнь… Контакты с Леной стали редеть. Сначала ее «ой, как жалко, держись!», потом неловкие отговорки, что «очень занята», потом – тишина. Месяца три уже. А теперь – звонок.

Почему? Что случилось? Сжала аппарат в потной ладони. Вибрация отдавалась в кости. Ответить? Не ответить? А вдруг… вдруг правда что-то? Нелепая искра надежды – может, услышать человеческий голос? Не Марка, замученного. Не врачей, равнодушных. Не родителей, ядовитых. Просто… человека из прошлой жизни.

Сглотнула ком в горле. Сдвинула палец по скользкому экрану.

– Алло? – мой голос прозвучал хрипло, чужим.

– Алинка! Привет! – голос Лены – громкий, жизнерадостный. Слишком громкий. Слишком жизнерадостный. Фальшиво. – Ой, ну наконец-то! Я тебе сто раз звонила! Ты где пропала?

– Я… дома, – пробормотала я. Голос все еще хрипел. Тупая боль начала пульсировать в висках. – Не очень… здорова.

– Ой, бедняжка! – в голосе Лены – карикатурное сочувствие. – Опять твоя… эта… терапия? Ну, ничего, прорвешь-

ся! Главное – настрой!

Настрой. Ага. Как будто я забыла его дома, как ключи.

– Да… – выдавила я. Силы разговаривать не было. Каждое слово – усилие.

– Слушай, я тебя так давно не видела! – Лена неслась дальше, не дожидаясь ответа. – Надо встретиться! Развеяться! Я как раз знаю отличный спа, новые процедуры… Омолаживающие! Ты только глянь, что они с моим лицом сделали!

Она, похоже, забыла, что у меня не просто плохое настроение. Спа? Омоложение? Блять, серьезно?

– Лен… – попыталась я вставить. – Мне сейчас не до…

– Ой, да ладно тебе! – она перебила весело. – Знаю я твое "не до"! Сидишь, наверное, дома, в депрессухе копаешься?

Слово. Оно прозвучало. Как щелчок выключателя во мне.

– Депрессухе? – повторила я тупо.

– Ну да! – Лена фыркнула. Легко. Небрежно. Как будто говорила о насморке. – Сейчас у всех депрессия, Алин! Это же модно! Сплошные психологи, таблетки… Ну, знаешь, как в социальных сетях – все грустные, все с горящими взглядами в пустоту! – Она засмеялась. Своим девичьим, беззаботным смехом. – Фигня это все! Надо просто взять себя в руки! Найти хобби! Завести собаку! Или котика! Они же антистресс!

Взять себя в руки.

Хобби. Котик.

Каждое слово – как нож. Тупой, но бесконечно больной

нож. Вонзался в ту самую черную дыру внутри. И разрывал ее края.

Тошнота подкатила с новой силой. Металл во рту стал едким. В ушах зазвенело. Я сжала телефон так, что пальцы побелели. Гнев. Глухой, раскаленный.

– Лена… – я слышала, как мой голос стал ниже, опаснее. – У меня не "депрессуха". У меня…

– Знаю, знаю! – она снова перебила, не дав договорить. Не желая слышать. – Твоя терапия, твои болячки! Но, Алин, нельзя же так зацикливаться! Посмотри на меня! У меня же тоже депрессия была! После расставания с Сашкой! Целый месяц ревела, шоколад жрала! Но я взяла себя в руки! Записалась на йогу, в бассейн! Теперь – огурцом! Все в голове, поверь! Просто перестань думать о плохом!

Целый месяц. После расставания. Шоколад. Йога. Бассейн. Огурец. Просто перестань. Как просто!

Моя черная дыра взорвалась. Не пламенем. Льдом. Абсолютным, убийственным холодом ярости. Такая ярость, что даже тошнота отступила. Заменилась ледяной пустотой ненависти.

Я сидела, сжав телефон, и слушала, как она тараторит про йогу, про позитивное мышление, про то, как все легко и просто, если «не зацикливаться». На мою боль. На мой страх. На мою потерю всего. На мою ЛЫСУЮ ГОЛОВУ И ОТРАЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ.

Она не слышала. Не хотела слышать. Ей нужна была кар-

тинка. Декорация. А я была слишком реальной. Слишком грязной. Слишком… чужой.

– …так что приезжай! – Лена выдохнула, закончив свой монолог о спасении через хобби. – Хоть в пятницу? Развеемся! Забудем про твою депрессуху!

Молчание. Тяжелое. Густое. Я слышала ее дыхание в трубке. Ждала ответа. Веселого. Благодарного.

– Лена, – сказала я. Голос был тихим. Плоским. Как лезвие. – Иди на хуй.

Я не кричала. Не рыдала. Просто констатировала. Твердо. Четко.

На той стороне – тишина. Шокированная. Потом – вздох. Обиженный.

– Алин! Ну что ты… Я же из лучших…

Я положила трубку. Не резко. Просто нажала красную кнопку. Отрезала ее фальшивый голос. Ее банальности. Ее «депрессуху».

Тишина. Снова. Но теперь – другая. Насыщенная гудящей, белой яростью. Холодной. Окончательной. Она заполнила комнату, вытеснив воздух.

Сейчас у всех депрессия.

Модно. Хобби. Котик.

Взять себя в руки.

Не зацикливаться.

Иди на хуй.

Слова крутились в голове. Каждое – плевок. Каждое – напоминание о том, как глубоко я упала. Как далеко от этого «нормального» мира, где проблемы решаются йогой и котиками. Где боль – это повод для модного поста. Где страдание – это просто «не зацикливаться».

Телефон был еще в моей руке. Теплый. Склизкий от пота. Я смотрела на него. На этот кусок пластика и стекла, соединяющий меня с миром. С миром, который не понимал. Не хотел понимать. Который предлагал котика в ответ на агонию.

Ярость сконцентрировалась. Стала острой. Точкой. В центре ладони. В этом телефоне.

Иди на хуй.

Все.

Иди на хуй.

Я подняла руку. Медленно. Пальцы сжимали аппарат мертвой хваткой. Потом – резко. Со всей оставшейся силы. Со всей ненависти к этому миру, к его банальностям, к его равнодушию, к его «депрессухе».

БАМ!

Телефон врезался в стену напротив дивана. Пластик треснул. Стекло экрана рассыпалось веером искр и осколков. Звук – громкий, хлесткий, как выстрел. Удовлетворяюще-громкий.

Осколки посыпались на пол. Телефон, развалившийся на части, отскочил и замер у плинтуса. Молчаливый. Мертвый.

Я сидела, тяжело дыша. Ладонь болела от удара. Но ярость… ярость схлынула. Немного. Оставив после себя ледяное спокойствие. И пустоту. Еще более глубокую. И понимание.

Мир – там. За стенами. Он не придет. Не поймет. Не спасет. Он предложит котика. Или йогу. И скажет «у всех так».

А я – здесь. С болью. С тошнотой. С осколками своего телефона на полу. И с разбитым мостом в ту самую «нормальную» жизнь.

Марк не прибежал на шум. Наверное, подумал, что я снова что-то разбила. Чашку. Или его последнюю надежду.

Я медленно легла обратно. Укрылась пледом. Повернулась лицом к стене. К той самой, где теперь красовалась вмятина и паутина трещин от телефона. Как новый арт-объект в нашем личном аду. Название: «Иди на хуй. Все».

Тошнота вернулась. Металл во рту. Но теперь было тихо. Никто не позвонит. Никто не скажет «у всех депрессия». Пока.

Глава восьмая

Тишина после взрыва телефона была гулкой и окончательной. Марк не пришел. Ни звука из его комнаты. Он либо привык, либо сдался. Или боялся. Я лежала на диване, уставившись в стену с новой вмятиной и паутиной трещин. Осколки стекла поблескивали на полу в слабом свете уличного фонаря. Даже ирония была какая-то плоская, выдохшаяся.

Ярость схлынула, оставив после себя не пустоту, а что-то новое. Тревогу. Мелкую, назойливую. Она копошилась под ребрами, смешиваясь с вечной тошнотой и металлом на языке. Телефон мертв. Связь с внешним миром оборвана. Это должно было приносить облегчение, но приносило только чувство еще большей изоляции. Как будто я сама отключила аварийный маячок в открытом море. Теперь – только я, боль и эта проклятая квартира.

Вечер тянулся мучительно долго. Марк принес тарелку с чем-то безвкусным – рис, куриная грудка. Я сделала вид, что ем. Проглотила пару кусочков. Еда встала комом где-то под ложечкой. Он забрал тарелку, не глядя на меня. Его молчание было тяжелее крика. Стена росла. Становилась крепостной. Неприступной.

Я пыталась уснуть. Ворочалась. Плед то набрасывала, то сбрасывала. Тело не находило покоя. То в жар бросало –

побочка терапии, будто печка внутри разожглась. То озноб пробирал до костей. Пальцы ног ледяные, а лоб – в огне. Пот, липкий и холодный, выступил на спине. Давление. Оно подкрадывалось исподволь. Сначала – легкий гул в ушах. Потом – ощущение тугого обруча, медленно сжимающего виски. Сердце – глухие, неровные удары где-то в груди. Раз. Пауза. Два. Снова пауза. Будто мотор барахлит. Побочка. Всегда побочка. Или паника? Или то и другое, сплетаясь в один мерзкий клубок?

Темнота за окном была абсолютной. Поздний ноябрь. Ночь длинная. Шторы были задернуты, но щель у балконной двери пропускала тонкую полосу света от фонаря во дворе. Она лежала на полу, как бледный нож.

И вот тогда началось.

Сначала – звуки. Не извне. Изнутри. Или казалось? Шорох за дверью в прихожей. Будто кто-то крадется. Марк? Но его шаги я знала. Это было не так. Тише. Осторожнее. Потом – шепот. Неразборчивый. Как будто несколько голосов переговариваются за стеной. Голоса родителей? Нет… другие. Чужие. Я вжалась в подушку, затаив дыхание. Шепот стих.

Потом – тени. В щели света от балкона. Они двигались. Не просто от ветра за окном. Нет. Они принимали очертания. То длинные, тощие пальцы тянулись по полу. То силуэт чего-то мелкого, юркого. Сердце забилось чаще, неровно, болезненно сжимаясь в груди. Я зажмурилась. Не смотреть. Это нереально. Это терапия. Тоска. Усталость.

Но когда открыла глаза – тени все еще были там. И шепот вернулся. Теперь ближе. Прямо за спинкой дивана. Холодный пот выступил на лбу. Я натянула плед на голову, как капюшон. Спряталась. Уйди. Уйди. Уйди.

Сон, когда он пришел, не был спасением. Он был ловушкой. Еще одним слоем кошмара.

Клиника. Холодная, ярко освещенная. Но не та, где капельницы. Другая. Слишком чистая. Слишком тихая. Я сидела на кресле в коридоре. Одна. В больничном халате. На голове – не парик. Ничего. Лысая. Кожа головы стянута, зудит. По коридору шли врачи. Мимо. Не глядя. Их лица – безликие маски. А потом – они. Дети. Множество детей. Маленькие. Девочки в платьицах, мальчики в штанишках. Они бегали по коридору, смеялись, но смех был беззвучным. Как в немом кино. Они подбегали ко мне, трогали мои холодные руки своими теплыми ладошками. Смотрели в глаза своими огромными, ясными глазами. Мама? – читалось в их взглядах. – Ты будешь моей мамой?

Сердце сжалось в комок боли. Я пыталась улыбнуться. Протянуть руки. Но не могла пошевелиться. Прикована к креслу. И тут – они стали меняться. Кожа – бледнеть, прозрачнеть. Глаза – тускнеть. Платьица превращались в больничные рубашки. На руках, на шеях, на лысых головках появлялись синяки, капельницы, шрамы. Они увядали на глазах. Превращались в маленькие, иссохшие фигурки. Их беззвучные крики, их протянутые ко мне ручонки… Мама! По-

чему ты не спасла? Почему ты не пришла?

"Потому что она – ядовитая!" – голос матери разорвал кошмар, как нож холст. Она стояла в конце коридора, в своем элегантном пальто, с лицом праведного гнева. Отец – за ней, тенью. "Она никому не нужна! Она сама себя уничтожила! И вас, детишки, она бы тоже погубила! Она – больная! Смотрите на нее! На лысую больную!"

Дети-фигурки повернулись ко мне. Их глазницы, пустые и темные, уставились на меня. Их ротики открылись в беззвучном вопле осуждения. Они поползли ко мне. Холодные пальчики тянулись к моей коже.

"Ты довела мать!" – завыл голос отца, сливаясь с голосом матери. – "Довела нас! Довела их! Всех вокруг себя погубишь!"

Я пыталась крикнуть. Защититься. Но из горла вырывался только хрип. Я рванулась с кресла, побежала. Коридор растягивался, бесконечный. Двери с табличками "Хирургия", "Процедурная" мелькали мимо. Из них высовывались руки. Руки врачей в перчатках. Руки с иглами, скальпелями. Руки, которые хотели схватить. Вернуть. Залить раствором. Сзади – шелест ножек детей и неумолкающие, слившиеся воедино голоса родителей: "Больная! Ядовитая! Довела! Погубишь!"

Я добежала до тупика. Стена. Гладкая, белая. Ни дверей. Ни окон. Только надпись красным: "УСЫНОВЛЕНИЕ: ЗАПРЕЩЕНО".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.